

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

НАТАЛЬЯ ГАБРИЭЛЯН

**НЕСМОТРЯ И ВОПРЕКИ,
или
НАША МАЛЕНЬКАЯ ФРОНДА**

Проза, эссе, воспоминания

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2010

**Н. Д. Габриэлян. Несмотря и вопреки, или Наша
маленькая фронда.**

Проза, эссе, воспоминания.

М.: Вест-Консалтинг, 2010. — 44 с.

ISBN 5-86676-068-1

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

© Н. Д. Габриэлян, 2010

© Н. В. Давыдова, предисловие, 2010

© Союз литераторов России, идея издания, 2010

© Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наталья Габриэлян в 12 небольших новеллах показывает нам историю семьи московских интеллигентов с 30-х годов XX века до наших дней: *«Мне чудовищно повезло, я родилась в семье, которая... сумела создать свою собственную маленькую «фронду». Все началось с моей бабушки, которая, услышав по радио слова «солнцеликий» по отношению к вождю, сказала — это только к Богу так обращаются, и выключила радиоприемник».*

Эти люди любят свою Родину, много работают, думают и спорят, они всегда противостоят Злу и Лжи, и при сталинском режиме, и в годы застоя, не изменяя своим нравственным принципам и в наши очень непростые времена.

Н. Габриэлян — выпускница биолого-почвенного факультета МГУ, причастная к «Делу Ляпуновых»: на квартире профессора А. А. Ляпунова собирался кружок по изучению основ современной генетики, среди преподавателей был и Н. В. Тимофеев-Ресовский. *«Вот только некоторые вехи нашей жизни в конце пятидесятых, однако, они заложили фундамент нашего мировоззрения и на этой основе и родились так называемые «шестидесятники», которые и определили дальнейший ход нашей жизни и положили начало перестройке».*

Важнейшим событием, оказавшим влияние на всю жизнь, Н. Габриэлян считает знакомство в клубе юных биологов с Аликом Василевским, впоследствии ставшим священником Александром Менем. *«...Я вспомнила, как он всегда говорил о разделении церквей: «Наши перегородки не доходят до неба». Воспоминаниям о встречах с А. Менем посвящена большая часть книги.*

Рассказы, воспоминания Н. Габриэлян можно прочитать в различных СМИ, в том числе в газетах «Первое сентября», «МОЛ», «Приходские вести», в альманахах «Вектор творчества — жизнь как контрапункт», «Словесность». По представлению Союза литераторов России Наталья Давидовна Габриэлян — государственный стипендиат в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».

Её дочь и внук принимают активное участие в защите Химкинского леса, дачи Муромцева, препятствуют сносу памятников архитектуры и культуры. Наталья Габриэлян считает себя счастливым человеком.

Нина ДАВИДОВА

ПОДЪЕЗД

Дом был типичным строением конца двадцатых. Именно тогда он был надстроен и представлял собою странную, состоящую из двух частей конструкцию. Два нижних этажа сохранили черты старой, дореволюционной застройки Тверской улицы. Вдоль фасада между первым и вторым этажами шел поясok из кирпичного поребрика, окна были утоплены в глубоких оконных проемах и имели широкие подоконники, покрытые железом, на нижних этажах располагались магазины, а под ними глубокие подвалы. Эти подвалы стали бомбоубежищами во время войны.

Надстроенные три верхних этажа имели гладкие без единого выступа стены, окрашенные желтой краской. Окна не имели подоконников и лепились неровными рядами. Они глядели на улицу, подмигивая узкими форточками, с которых кое-где свисали авоськи с продуктами. Подъезд с улицы был один, он выходил прямо на Тверскую и не имел навеса, отделяясь от тротуара только двумя плоскими ступеньками. Человек, вошедший в подъезд, сразу же упирался взглядом в окрашенную яркой зеленой, заборной краской дверь, ведущую в подвал, где была котельная. Над этой дверью висел фонарь, стекла которого были всегда закрашены, и поэтому он едва освещал площадку перед лестницей. Лестница тоже была гибридом из двух составляющих: старой лестницы с гладкими деревянными перилами, сохранившими следы темного лака, и новой с узкими железными перильцами и частыми прутьями тяжелых рам, почти вплотную прилегавших к ступеням. Эти перила были ледяными зимой и влажными летом. Между этажами была площадка с окном, из которого был виден двор и дом напротив, находившийся уже на 2-ой Тверской-Ямской улице. В конце сороковых на одной из этих площадок (обычно между третьим и четвертым этажами) появлялся тихий человек в длинном пальто, пристально смотревший на дом напротив. Площадка была узкой, и когда утром дети бежали в школу, ему приходилось вжиматься в оконный проем.

Во двор можно было пройти через черный ход, выходящий на 2-ую Тверскую-Ямскую улицу, он остался от старого дома и имел высокое крыльцо с островерхой крышей, украшенной железными кружевами, и несколько высоких ступенек. Железные кружева сохранились и на некоторых водосточных трубах. Во дворе располагалась мебельная мастерская, пахло стружками и скипидаром. Этот запах перебивал запах красноротых резиновых калош, которые привозили в обувной магазин, расположенный на первом этаже дома.

Кто жил на первых двух этажах, никто не знал, это были тихие и безликие люди, которые как тени скользили по лестнице и предпочитали пользоваться входом со двора. Только в конце пятидесятых они обрели лица и голоса, и оказалось, что некоторые из них жили в этом доме с незапамятных времен и помнили, как начали строить знаменитую, так и недостроенную кирпичную церковь между Новослободской улицей и 4-ой Тверской-Ямской.

Впрочем, на первом этаже, слева от выхода во двор, жила одна из самых значительных личностей этого дома — тетя Груша. Она была среднего роста, вся округлая с гладким лицом и большими темными глазами. Слава пришла к ней в знаменитые тридцатые годы, она была бессменным понятым при арестах и обысках. «Без мене не брать! — гордо говорила она, сидя на лавочке со старушками. Я ведь помощник домуправа».

Брали людей с верхних этажей, куда в новую надстройку стали селить сотрудников объединения «Спецсталь» и завода «Серп и молот». С 1937-го по 1938-ой годы посадили почти всех «спецов» металлургии, главного инженера «Серпа и молота» И. И. Субботина, И. В. Цветаева, Е. М. Кана, А. И. Мартеля.

По воспоминаниям моих родителей, они не спали два года. Уходили к родным, засиживались допоздна и возвращались пешком через всю Москву под утро. Отец всегда говорил: — «Пусть подождут!». Дома оставались только мы с няней Машей, которая, ложась спать, бурчала себе под нос: «Меня не возьмут, я им неинтересная. Она в нашей деревне соседей раскулачивали, так даже

собаку убили, прямо ей в рот выстрелили, ироды. Что им животина сделала, она всю деревню стергла!».

Однажды мои родители вернулись часа в три утра и зажгли свет в комнате. Через несколько минут в дверь постучали, отец успел сказать маме: «Не волнуйся, это, наверняка, ошибка!» Вошли трое, но тети Груши среди них не было. Отец вздохнул с облегчением и спросил: «В чем дело, товарищи?». «А почему это у вас свет горит по ночам?». «Нужно было дать лекарство жене, зажег», — спокойно ответил отец. Мама сидела на стуле как каменная, потом долго не могла встать с него. Совсем недавно при ней ввалились с обыском к ее близкой подруге Габриэль Юнис-Кан, было от чего окаменеть. Утром во дворе звучал веселый голос тети Груши: «Как это Габриэля взяли? Не могли, без мене не брать!». Во время войны она как-то сникла и даже однажды стала угощать вареньем, она меня выделяла из всех детей, явно считая, что спасла отца своим отсутствием. Но няня Маша говорила мне: «Не бери ничего у этой змеюки, мы с тобой лучше так чай попьем с сахаринчиком!», и вздыхала, крестясь на икону. «Почитай-ка мне лучше, Натуся, «Житие Параскевы Пятницы», тогда и о варенье забудешь, а то если не «Житие», то «Молодую Гвардию», они ведь все святые были, они же крещеные, ну что же, что комсомольцы? Они за народ наш крестную муку приняли!».

В конце пятидесятых дом повеселел. Кое-кто вернулся, некоторых дождались. Зазвучали новые голоса, обрели плоть и кровь старожилы с первых этажей. Во дворе натянули сетку для волейбола и посадили липы. Появились проигрыватели, их выставляли на широкий подоконник нижнего этажа. Зазвучали нехитрые мелодии: «Ничего не знаю, знать я не хочу, только, дорогая, я тебя люблю!»

А в конце шестидесятых дом опустел, все разъехались. Дом снесли, и на этом месте построили новый. Ну, да и Бог с ним!

МАЙРИК

Моя прабабушка Елизавета Николаевна Цицикова была всеобщей матерью, поэтому ее называли все «майрик» (мать — по-армянски). Она воспитала своих детей, детей своего зятя от первого брака, своих внуков и внучек, и дожила до меня, своей правнучки. Ровно четыре года подарила мне судьба, но и этого было достаточно, чтобы запомнить ее на всю жизнь. Когда отец за руку приводил меня в дом к дяде Саше и тете Кате — ее младшей дочери, — она торопливо семенила нам на встречу со словами:

— Наташа-джан, пришла, заходи скорей!

И мы с ней почти бежали куда-то, обычно, на кухню, где она всегда что-то делала. Перебирала гречиху на большом блюде, вязала лук в длинные «косы», жарила крошечные котлеты.

— Майрик, что ты жарить такие маленькие котлеты?! Они что, для куклы?!

— Нет, Наташа-джан, они для тебя!

— Ой, я не хочу, — протестовала я, так как не отличалась хорошим аппетитом, — лучше, давай играть!

— Нам некогда, Наташа-джан, мы с тобой уезжаем! Мы сейчас сядем в дилижанс и поедем по Военно-грузинской дороге из Владикавказа в Тифлис!

— Ой, а где дилижанс?

— А вот, — говорила она, сияя глазами и улыбаясь, и указывала на большой сундук, покрытый старым ковром. — Вот сейчас я упакую провизию в наш дорожный саквояж, и мы отправимся.

Она доставала из кухонного шкафчика металлическую, раскрашенную детскую сумку-саквояж с боковой дверцей и мы вместе засовывали в нее крошечные кусочки хлеба, маленькие котлетки, завернутые в плотную бумагу, нарезанное ломтиками яблоко, маленькие ложечки и ножик. Мы усаживались на сундук и «ехали». Майрик чуть-чуть подпрыгивала, будто ее трясло на ухабах. Я тоже подпрыгивала, мы смеялись, и она говорила невидимому вознице, она все время что-то говорила быстро и увлеченно:

— Что так трясешь, не видишь, дети едут, не дрова везешь!

— Наташа-джан, видишь ту гору?

— Вижу, вижу! — с восторгом отвечала я, захваченная игрой.

— А замок на горе видишь?

— Вижу, а кто там живет?

— Царица Тамара там жила в давние времена.

— Она была красивая и добрая?

— Да, очень красивая, но не очень добрая.

— Я так не играю, я хочу, чтобы она была добрая. Мы к ней едем?

— Нет, Господь с тобой, мы в село Ананури едем, сейчас остановимся, привал будет. Надо лошадям отдохнуть. Открывай саквояж!

Я забывала, что не хотела ничего есть, мы дружно уплетали бутерброды и заедали их кусочками яблока!

— Майрик, почему ты яблоко ложечкой скребешь, ты кусай его!

— Эх, Наташа-джан, мне кусать его нечем. Зубки давно все выпали!

— Ой, как жалко, что же теперь делать?

— Ничего, я привыкла. Я все мягкое ем, главное, детка, ноги бегают, руки работают, а сердце любит! Ну, заканчиваем привал, едем дальше.

Когда она заболела и слегла, меня перестали приводить к ней, сказали, что Майрик уехала. Отец много лет спустя рассказывал, как он пришел к брату и невестке в Елисеевский переулок навестить ее. Она лежала на кушетке и подозвала его. Он присел на край ее постели и спросил:

— Елизавета Николаевна, дорогая, как вы себя чувствуете?

— Хорошо, Давид-джан, очень хорошо! Только вот ... умираю...

И улыбнулась ему, как-то смущенно, будто хотела сказать: «хлопот вам доставлю». На чудом уцелевшей фотографии она сидит на стуле, на фоне бесконечной кирпичной стены, голова повязана платочком, кончики которого как маленькие ушки стоят надо лбом, а глаза

сияют даже через круглые, большие, старомодные очки. Глядя на эту фотографию, хочется спросить:

— Майрик, ты все еще любишь нас?

ТАНЕЦ ХРОМОГО ИНГУША

Мое первое воспоминание об отце связано с укладыванием меня спать. Я завернута в одеяло с крупными клетками, и он носит меня, быстро передвигаясь по комнате, от двери к окну и обратно к двери. За окном висит фонарь, раскачивается, на полу от фонаря блики. Оконные рамы отбрасывают клетчатые тени, весь пол покрыт клеточками, а если проезжает машина, то клеточки перемещаются от добавочного освещения. Отец носит меня неровно, напевает: «В няньки я тебе взяла ветер, солнце и орла». Вдруг он припадает на одну ногу, как хромой, и тогда я ныряю вниз. Он называет эту пробежку с нырянием «танец хромого ингуша» и уверяет маму, что это лучший способ меня усыпить. Но, по-моему, танец этот плохо помогал, я просила спеть еще одну песню, потом еще одну, и дело кончилось тем, что отец, которому было нужно рано вставать и ехать в «Спецсталь», отдавал меня няне Маше. Няня забирала меня в другую комнату, клала с собой в постель, к стеночке, шептала молитву, укрывала, подоткнув одеяло со всех сторон, и я, наконец, засыпала.

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Я сижу под столом в нашей «большой комнате». Отец бреется перед зеркалом, висящим справа от двери, на дверном косяке висит черная бумажная тарелка-радиорепродуктор. Сегодня — воскресенье, мы собираемся в зоопарк, но пока я тихо играю с куклой. На самом же деле напряженно жду конца бритья. Бритье — это целый ритуал. Отец водит по лицу опасной бритвой, он держит себя за кончик носа и помогает языком, закладывая его за щеку, чтобы образовался

холмик. Холмик легче сбривать. Я знаю наизусть всю процедуру. Закончив бритьё, он одеколоном пшикает на себя из пульверизатора с шелковым помпоном. Одеколон жжется, папа ухает и делает страшные глаза, растираясь полотенцем. Но вдруг, когда он вешает полотенце, а я бегу надевать ботинки, из репродуктора раздаётся громкий, строгий голос и объявляет о каком-то нарушении границы. Отец замирает, потом говорит мне: «Зоопарк отменяется, мы едем к нашим на Елисеевский, к дяде Саше и тете Кате! Началась война!». Едем на троллейбусе по Тверской до Моссовета, а затем идем до Елисеевского переулка. Там все в сборе, тоже около радиоприемника, из которого говорит В. М. Молотов. Я не понимаю ни слова, но вижу, что все встревожены, и у тети Кати почему-то очень красное лицо. Так для меня началась война.

УРОКИ ЧТЕНИЯ

Мне много в детстве читали вслух. Я привыкла слушать, хорошо запоминала стихи и могла по картинкам «читать» свои любимые книжки. Поэтому мне совершенно не хотелось читать самой. Когда меня сажали за «Букварь», я старалась под любыми предлогами улизнуть. Но мама была неумолима и легко разгадывала все мои уловки, даже самые пугающие — «у меня болит живот».

— Ничего, ничего, поболит и перестанет! — отвечала она и доставала из чемодана книжку.

Мы читали в большой комнате, где жили дядя Сережа и тетя Дина.

Тетя Дина уходила за перегородку, к кафельной печке, дел у нее всегда хватало, а я утыкалась в «Букварь».

— С — А, СА, Н — И, НИ, вместе САНЫ!

— Почему САНЫ, а не САНИ! Читай еще раз!

— С — А, СА, Н — И, НИ, вместе САНЫ!

Как-то заехал отец. Он проезжал мимо на оборонные заводы, выкроил два дня, чтобы повидать нас. Уставший, худой, он сначала просто долго сидел за столом,

ничего не ел и не пил, потом сказал: — Нина, прости, но я прилягу на минутку!

Он заснул, мы его старались не тревожить. К вечеру он проснулся, напился, наконец, чаю, и тут мама сообщила ему «трагическим» голосом:

— Давид, твоя дочь — тупица, она не может прочесть ни единого слова!

— Быть такого не может, Натуська, тащи букварь!

— С — А, СА, Н — И, НИ, вместе САН...ой, вместе САНИ!

— Вот видишь, прекрасно читает! — сказал отец и тут же заснул снова.

Читать по-настоящему я научилась гораздо позже, когда уже в Москве мне попаласть истрепанная дореволюционная книжка «Граф Монте-Кристо». Вот тогда-то я и научилась читать и читала запоем, читаю так и теперь, но дочь и внука не учила читать. Они как-то сами выучились. Не помню даже как, просто дедушка Давид принес Ане с работы большие деревянные буквы, сделанные для стендов, и моя дочь стала в них играть и складывать слова. А внука Никиту Аня выучила уже по купленным буквам, из раскладной азбуки.

СТАНЦИЯ «МАЯКОВСКАЯ»

Каждый раз, когда поезд метро останавливается на станции «Маяковская», я невольно бросаю взгляд за окно и всматриваюсь в середину зала: может быть, увижу девочку с отцом, разглядывающих, задрав головы, мозаики Дейнеки. Когда-то, еще до войны, отец привел меня на эту станцию, и мы рассматривали мозаики в овальных медальонах. Помню, я удивилась, глядя на человека, стоящего в каком-то, похожем на цинковое корыто, устройстве с флажком в руке. Это капитан на капитанском мостике корабля, поясняет мне отец, а вот, посмотри, какие красивые самолеты летят, а внизу — цветущие яблони. Я удивляюсь, разглядывая летящие фигуры людей, а отец поясняет мне: это прыгают с трамплина спортсмены! Мы переходим от мозаики к мозаике, и я получаю первый урок по неформальной живописи. Эта экс-

курсия так запомнилась, что и сейчас не могу удержаться: и каждый раз, проезжая в вагоне метро мимо «Маяковской», вглядываюсь в окно: а вдруг мы с отцом еще там...

ЛЕТНЕЕ ПАЛЬТО

— Ты знаешь, она мне приснилась, — сказала све-кровь, когда я как-то летом зашла навестить ее. — Буд-то бы стоит наша Нина Петровна у книжного прилавка в своем любимом, летнем, светлом пальто и, как всегда, что-то читает, быстро-быстро перелистывая страницы....

— В светлом пальто, — невольно повторила я, и сразу же вспомнила один наш давний, серьезный разговор.

— Мама, ну как же ты ушла без пальто, ведь было уже холодно!

— Нет, я успела надеть пальто, оно висело на стуле, потом я села и стала ждать.

— Ты долго ждала?

— Не знаю, не очень, часа два, а, может быть, и меньше...

— А как же он вывел тебя?

— Да нет. Николай Леонидович (*Имеется в виду Ни-колай Леонидович Мещеряков — главный редактор МСЭ, ред.*) просто вошел, как всегда утром, и что-то ска-зал Кате Дроздовской, а потом подошел к моему столу.

— И что же?

— Ну, он, кажется, спросил, просматривала ли я по-следние корректуры, и попросил зайти к нему. Вот и все.

— И ты сразу же вышла?

— Да, сразу, это я помню хорошо. Я взяла сумку, а пальто уже держала, перекинув через руку, как плащ. Оно легкое было, светлое такое коверкотовое пальто, теперь все плащи носят, а тогда такие легкие пальто. Да-вид мне его из Германии привез в 32-ом году.

— Мама, ты так прямо и ушла, не оглядываясь, не прощаясь?

— Ну, какое там прощание, я же понимала, что он ждет меня за дверью.

— А я ведь бывала там, в этом здании, там еще на

первом этаже такой закуток и есть раковина, все моют в ней чашки после редакционных чаепитий.

— Закуток был, но там обычно курили. Мы чай не пили на работе. Не перебивай, а то я что-нибудь забуду, а тут все важно.

Когда я вышла, мы сразу пошли по коридору, и он какой-то не свойственной ему скороговоркой сказал: «Нина, я в течение двух часов еще смогу что-нибудь сделать для Вас, пишите заявление об уходе, я успею подписать его!». И сунул мне в руку лист бумаги и свою самописку (ему кто-то подарил Паркер). Потом мы подошли к двери спецтуалета, он открыл его своим ключом, и буквально втолкнул меня туда, сказав: «Пишите в заявлении — по семейным обстоятельствам, ручку и бумагу подсуньте под дверь, я буду ждать».

— Ну, и ты так и сделала? Выкатила ручку и подсунула бумагу?

— Да, конечно, я недолго сидела запертая, он быстро вернулся. И мы снова полетели по коридорам, и на ходу он мне сказал:

— Сразу же уезжайте из Москвы, не заходите домой! Давиду я сам все объясню. Думаю, что грядут перемены, и вы сможете вернуться домой через некоторое время. А пока, Нунеша, дорогая, так надо!

И взглянул на меня, сняв очки. Он всегда так делал, когда хотел что-либо разглядеть...

— Мама, он, наверное, любил тебя?

— Не знаю, может быть, как-то так, тайно симпатизировал, по-старинному. Знаешь, он был старый подпольщик, его опыт ему очень помог, он вовремя ушел из издательства «Энциклопедия» и остался на свободе, но прожил недолго и практически в нищете.

— Мама, но из-за чего надо было так спешно уходить, ты ведь уже заведовала отделом национальной литературы? Со мной няня Маша сидела. Почему же так спешно? Ты что что-нибудь почувствовала?

— Да не просто почувствовала, я все видела. Начали менять начальство, заметно изменилась обстановка. Николай Леонидович стал очень внимательно выверять каждую статью. Нас собирали на долгие со-

вещания с бесконечными дебатами. Мы все нервничали. Обычно я опаздывала на работу, всегда не хватало десяти минут, все знали это, но терпели. В этот же день я вскочила до будильника и помчалась на работу очень рано. У нас были ключи от комнаты, у вахтера никогда не брали. Я влетела в нашу комнату и вдруг увидела, что около моего стола стоит незнакомый мне человек и пытается в верхний ящик что-то засунуть, какую-то бумагу. Я заорала:

— Вы что тут делаете?

А он стал что-то говорить про какой-то приказ, который он ищет. Я подскочила к нему, выхватила бумагу, порвала и выбросила.

— У меня нет никаких приказов, я не секретарь директора! И, вообще, как Вы сюда попали?

А он как-то вдруг исчез, будто его и не было вовсе. Потом я припомнила, что видела его в канцелярии, он был из новеньких. Вот так и закончилась моя работа в МСЭ, и я стала учительницей литературы.

— Мама, а куда же ты поехала?

— Я поехала в Химки, даже не в сами Химки, а в область, там, в маленькой сельской больнице работала тетя Аруся, а Бела приезжала туда на выходные. У них-то я и жила. Потом Давид приехал за мной, когда можно стало. Знаешь, когда Ежова сняли, была маленькая передышка. Тогда Арама выпустили и дали возможность уехать в Иран. Между прочим, перед войной Николай Леонидович помог мне устроиться на работу, в школу, правда, под Москвой. Знаешь, мы с твоим отцом были счастливыми. Мы остались на свободе. Помогли нам, помогли хорошие люди.

— Мама, но ты ведь и сама герой, скольким ты помогла! Два раза на Лубянку таскали, а ты никого не выдала.

— Ну, это другая история, страшно, конечно, было...

Хорошо помню, что все это она рассказывала мне на даче. Стоя у косяка «детской комнаты». Она слегка опиралась на него и все повторяла:

— Да, да, мы были счастливыми. Бог хранил нас. Ведь все мои подруги овдовели еще до войны. Поэтому,

считай, что я прожила долгую, длинную и счастливую жизнь...

Когда я провожала ее на пароход, который стал последним в ее жизни, она спросила меня:

— Посмотри, что там написано, как он называется, я что-то не могу разобрать?

Я прочла вслух: «Андрей Жданов».

— Боже, какой ужас! Знала бы, не поехала!

Так и случилось... На одной из фотографий они с отцом стоят около памятника Льву Толстому в начале улицы Пироговки. На маме светлое пальто, «немодное» летнее пальто, а плащи она так и не полюбила.

ИСТМАТ

Ирине Скарлат посвящаю

Истмат (исторический материализм) мы учили лежа, сидя истмат не усваивался. У Иры лежать было удобно, у нее был широкий диван. Мы всячески украшали нашу скучную зубрежку. Покупали мороженое, ели болгарские голубцы из банки, и, что греха таить, пили пиво (одну бутылку на двоих). Но что помогало при подготовке к любимым другим предметам биологических наук, тут не помогало.

В этот день мы изучали истмат у меня. Лежать было неудобно, кушетка была узкая и жесткая, с твердым валяком. Но она была очень хороша для подготовки к экзамену, так как засыпать на ней было гораздо труднее, а до экзаменов оставались два дня.

В основном читала учебник Ира, она читала громко и выразительно и, когда я начинала засыпать и нагло сопеть, толкала меня в бок. День был яркий, весенний, начало московского лета. Мы уже отобедали, моя мама в тот день была дома, и поэтому обед был замечательный (зеленые щи, редиска, блинчики). После обеда дело совсем не шло. Ирина сама читала с трудом, а я видела прелестные, легкие, дневные сны. Откуда-то издали в мои сновидения вторгались тяжелые, как камень слова:

«производственные силы, загнивающий капитализм, передовые методы, марксистская идеология» и т. д. и т. п. Вдруг раздался звонок, и мама устремилась к входной двери. Мы прервали процесс изучения основ истмата. Я удивилась, кто это так звонит, прямо, как на пожар! Из конца коридора послышался громкий голос маминой подруги, жившей этажом ниже:

— Нина, спуститесь к нам, Геня вернулся!

Мама быстро прошла по коридору и, заглянув в комнату, сказала: — Евгений Мартынович вернулся, я иду к ним!

Ирина отложила книгу, «Истмат» закончился, началась реальная жизнь конца пятидесятых.

— К Габриэль Максимовне вернулся муж? Оттуда, да?

— Похоже, что так, — ответила я.

— Что же мы-то скажем отцу, если он вот так вернется? Ведь, говорят, что сейчас возвращаются даже те, кто без права переписки там сидел, а отец вначале писал маме...Что же мы скажем ему про Толю?! Толя пропал в сорок первом, мама его сама в поезд посадила, в Ленинграде его встретили, а потом отправили в эвакуацию с какой-то детской организацией, а поезд-то тот никуда не пришел. Мама искала его после войны, и недавно говорила, что, вот вернется, мол, отец, а что я ему про Толю буду говорить?

Но говорить и объяснять ничего не пришлось, Василий Петрович Скарлат не вернулся к Екатерине Михайловне и Ирине, он навсегда остался там, в виртуальной реальности воинствующего истмата. Ему не зачли ни годы бешеной работы по восстановлению заводов под Днепропетровском, ни самоотверженный труд по организации предприятий машиностроения в Москве. И в последней записке «оттуда» он писал: «Катя, меня сегодня допрашивал какой-то сопляк, я объявляю голодовку!».

Но голодовки — это благородные методы прошлого, их сопляки не понимают. Так что незачем жалеть, господа-современники, об ушедших за горизонт светлых вершинах «зияющего истмата»! И если выросли та-

кие замечательные люди, какой была Ирина Скарлат, то это произошло несмотря и вопреки...

ОТТЕПЕЛЬ И ПОСТОТТЕПЕЛЬ

*Все хорошо, прекрасная маркиза, ,
/ Все хорошо, все хорошо!*

Когда я вспоминаю время моей ранней юности, середину пятидесятых, то у меня возникает некая ассоциация. Представьте себе, что вы стоите около пруда, его поверхность кажется вам темной, гладкой и безжизненной, но вдруг на нее падает луч солнца, и вы замечаете, как зеркало пруда оживает. По его поверхности скользят водомерки, в глубине мелькают стайки серебристых мальков, на острый лист осоки садится перламутровая стрекоза. Пруд оживает и хорошеет на глазах.

Нечто подобное происходило и с нашим домом, который состоял из двух одновременных частей. Низ представлял собой добротную кирпичную постройку, окна были утоплены в кирпичных узорчатых обрамлениях, подоконники были широкие, рамы добротные, по периметру дома шел веселый кирпичный пояс — поребрик. Над этой нижней двухэтажной частью дома высилась трехэтажная надстройка, оштукатуренная и выкрашенная желтой блеклой краской. Окна были узкие с крошечными форточками и зеленоватыми стеклами. Лестница была темной и на верхних этажах имела узкие железные перила, шершавые и холодные. Середина пятидесятых началась с того, что на площадке лестницы между третьим и четвертым этажами перестал появляться человек, раньше стоявший там и смотревший на противоположный дом, он исчез и больше не появлялся. Затем мы стали замечать, что наши соседи с нижних этажей — старожилы этого дома — обрели голоса и оказались милыми и общительными людьми. Раньше их почти не было видно. Меня даже как-то пригласили в гости, на блины, что было тогда редкостью, и я увидела большую с высоким потолком комнату, в которой сто-

ял рояль. Хозяйка, пожилая и милая дама, сыграла нам несколько старинных романсов, напевая их приятным мягким голосом, и сказала, что эти романсы пела еще Вера Панина. Я слышала об этой певице, так как ее любила моя бабушка. Блины были по случаю масленицы, что само по себе было диковинкой. Слова Масленица, Рождество, Пасха практически не употреблялись, хотя в нашем доме пекли куличи и красили яйца. Но в школе я никогда об этом не говорила, мы с братом Сережей как-то сами понимали, что в школе ни о каких куличах говорить не надо. Значительно позже, когда уже училась моя дочь Аня, это было в году 1967-68-ом или позже, я, сидя на родительском собрании, сказала своей симпатичной соседке:

— Приходите к нам на Рождество с вашим сыном, у нас будет веселая елка с пирогами и подарками!

Моя соседка поглядела на меня так, как будто рядом с ней сел снежный человек и неожиданно заговорил. Но ее муж все-таки привел к нам их сына, Колю Шевченко, он получил подарки, и они с отцом остались у нас пить чай с пирогами.

Так вот постепенно в наш быт стали возвращаться старые праздники, и жить стало теплее и радостнее. Ожил и наш маленький двор. Натянули волейбольную сетку, на подоконниках появились патефоны и зазвучали фокстроты: «Моя Рио-Рита», «Все хорошо, прекрасная маркиза» и другие, столь же веселые и безыдейные.

Центром нашей молодежной жизни тогда была квартира на четвертом этаже, где жила очень красивая девочка Ира Рябенская или просто Рина, так ее все называли. Она была яркая, темноволосая с неувядающим румянцем, и что бы на ней не было — ушанка зимой на катке или тубетейка летом, — все ей было к лицу. Вокруг нее всегда было полно веселого народа. Бывали молодые люди постарше, в квартире звучала музыка, танцевали, играли на пианино, на гитаре. Тогда еще не было авторской песни, но именно там я встретила одного из первых студенческих бардов Юру Кравцова, который, к сожалению, прожил очень короткую жизнь. Не знаю

когда, но Ира познакомилась с такими музыкантами, как Юрий Саульский, Жора Гаранян, Гюли Чохели. Они привили нам любовь к хорошей джазовой музыке. Позже в Москву стали приезжать из других стран великолепные джазовые оркестры. Мы с мамой слушали в саду «Эрмитаж» Лили Берглюнд с оркестром, а позже Мишеля Леграна, Шарля Азнавура и других прекрасных музыкантов. Изменились и музеи, теперь можно было увидеть картины импрессионистов и Пикассо. Первый московский молодежный фестиваль 1957-ого года принес столько нового и интересного, что потом уже стало традицией организовывать выставки молодых и никому неведомых еще художников. Вместе с моим мужем — Виталием Михайлиным — я помогала устраивать выставку в 1958 году в Университете. На этой выставке были работы Кондаурова, Плавинского, Пятницкого, Кулакова. Приехала комиссия из райкома комсомола, устроила нам разнос, и в результате нам не разрешили выставить картину «Старость» — пожилая женщина у окна с прозрачными грустными глазами. Нам было сказано, что это упадническая картина, она ни к чему не призывает. Мы сопротивлялись, как могли, но несколько картин пришлось снять с экспозиции. Время было боевое, устраивали обсуждения, диспуты. В Политехническом музее читали стихи совсем молодые тогда Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский.

В студенческой среде возникали кружки. Так у нас на биофаке возник кружок по изучению нормальной генетики без Лысенко. Кружок собирался дома у А. А. Ляпунова, так как его дочери, Ляля и Туся, учились у нас на курсе. Этот кружок дал нам возможность изучать генетику, занятия вели такие ученые как Тимофеев-Ресовский, Жебрак, Сахаров, сам Алексей Андреевич Ляпунов. Мы готовились к семинарам и лекциям, читали книгу Шредингера «Что такое жизнь». Обсуждали серьезные теории популяционной генетики и мутагенеза. Однако это все оборвалось, потому что на нас поступил донос. Было шумное собрание. Нас должны были строго наказать, возможно, отчислить из Университета, но помогло то,

что это было зимой 1956-ого года, тогда уже шел 20-ый съезд. Благодаря совершенно неожиданному выступлению на нашем собрании аспиранта мехмата Саши Крылова, сославшегося на проходивший съезд, голосование прошло в нашу пользу, и нас оставили учиться. Нас было около тридцати хороших студентов. Потом, много позже, я узнала, что почвоведы, которые учились тогда вместе с нами, проголосовали за нас. Это-то и решило дело в нашу пользу, и мы отделались легким испугом, хотя некоторым все-таки вынесли выговоры с занесением в личное дело. Это затруднило им жизнь и устройство на работу в дальнейшем.

Вот только некоторые вехи нашей жизни в конце пятидесятых, однако, они заложили фундамент нашего мировоззрения, и на этой основе и родились так называемые «шестидесятники», которые и определили дальнейший ход нашей жизни и положили начало перестройке.

АРДОВЫ

Мое знакомство с семьей Ардовых началось в Коктебеле в 1955 году. Мы с мамой и моей подругой Наташей Закс поселились в доме с полным пансионом на все лето. В этом же доме жили Нина Антоновна Ольшевская и ее двоюродная сестра Елена Николаевна Нарбекова. Елена Николаевна рассказывала, что заметила мою маму — Нину Петровну Унанянц, когда они стояли в очереди за билетами в Москву. «Вижу, стоит дама в ситцевом платье-халате с мужскими бельевыми пуговицами, но с китайским зонтиком и сумочкой, и в изящных замшевых босоножках. Ну, думаю, это уникальная дама, надо познакомиться — это наш кадр». Так и началось наше знакомство. Они с большим юмором относились к нашему житью-бытью: Нина Антоновна утверждала, что нас кормят в полуподвале для того, чтобы мы не могли разглядеть, что едим. Позже к нам приехала мама подруга Габриэль Максимовна Кан. Появились и у нас с Наташей друзья — студенты-геологи из Питера.

Начались походы в горы на Кара-Даг, купание, веселые пикники.

В Москве знакомство продолжилось. Мы встречались на днях рождения и других праздниках. Мама всегда устраивала очень вкусную, обильную Масленицу. Миша Ардов шутил, что такие блины можно поесть только у русских эмигрантов в Париже. Замечательным праздником был всегда день именин Нины Антоновны — день Святой Нины. Мы приходили на Ордынку, где в полной неприкосновенности сохранялась комната, в которой останавливалась Анна Андреевна Ахматова, садились за стол, за которым сидела всегда она. Было что-то необыкновенное в этом доме, какая-то атмосфера вечной непреходящей культуры еще старой России. У Нины Антоновны на именинах бывал актер Зельдин, художники-оформители из театра Красной армии, где она долгие годы работала режиссером. Часто приезжал Толя Найман, бывал Евгений Рейн — друг Миши и Бори Ардовых и, конечно, Алексей Баталов со своей женой Гитаной. Годы шли, росли уже внуки Нины Антоновны — дети Бориса Ардова. В один знаменательный день Оля Ардова ездила со мной и моим внуком Никитой к нам на дачу в поселок Заветы Ильича. Когда мы возвращались, машина остановилась — что-то случилось с мотором. Это было неподалеку от церкви Сретенья в Новой Деревне. Машина долго не заводилась. Это было как предзнаменование. В этот день погиб отец Александр Мень. Вечером мы приехали в Москву, и пили чай на Ордынке. Узнала о трагедии я уже дома от мужа. Этот вечер запомнился на всю жизнь. С семьями Ардовых и Нарбековых мы дружим по сей день, хотя многих уже нет. Не стало Нины Антоновны, рано ушел из жизни Борис Ардов, уехала в Америку Оля Ардова со своей мамой Ольгой Розовской. Но те, кто остался, продолжают быть нашими друзьями. Радостно видеть всегда отца Михаила Ардова, его жену Милу, Елену Николаевну Нарбекову, подругу моей мамы. У нас остались общие воспоминания и взаимная дружба-любовь.

АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Как давно это было! Целая эпоха отделяет меня от той весны 1951года. Совсем недавно кончилась война, серые платки и телогрейки сменились пальто, появилось понятие «идем в гости», на столе в праздничные дни уже был салат из картофеля, а приторное американское суфле заменил довоенный компот из сухофруктов. Четыре года уже не было карточек, и мама давно отмыла окна от маскировки. Москва оживала.

Конец сталинской эпохи для нас, школьников, ознаменовался очередной педагогической реформой, которая разделила школы на мужские и женские. Эти школы напоминали закрытые учебные заведения до революции. Мои тетки были очень довольны, что мне сшили, напоминающую гимназическую, строгую школьную форму. Мальчики появлялись в школе только на праздничных вечерах и под присмотром учителей. Даже в инсценировке «Молодой гвардии» мужские роли исполняли переодетые девочки. На уроках по литературе наша замечательная учительница была вынуждена скучным голосом диктовать нам, что «писатели — инженеры человеческих душ», а «эта штука сильнее «Фауста» Гёте». В учебниках по биологии мы читали о принципах некоей отдельно взятой в нашей стране «мичуринской биологии», а из уроков географии в 6-7 классах я до сих пор помню только одну крылатую фразу: «хотя Югославия и больше Албании, но Албания ее передовее». Вопреки всем строгостям и ограничениям, были люди, которые дали нашему поколению знания, привили любовь к литературе, научили понимать и беречь природу. Одним из таких необыкновенных людей был Петр Петрович Смолин или ППС, как мы его называли. Этот «зубр» того времени руководил юношеской секцией Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Мы попадали в это общество разными путями. Меня привела туда моя подруга, Алла Кричевская, которая была старше меня, и у которой на дне рождения я впервые увидела ППС и его старших учеников — Алексея Яблокова и старосту кружка Лёню Калмыкова. Меня поразили их необычные

умные разговоры, их юмор и свобода общения, а первые занятия в Дарвиновском музее были для меня просто открытием. ППС рассказывал нам о жизни московского воробья, о его повадках, хитростях, уникальной выживаемости и его отличиях от деревенского, живущего более спокойной жизнью. В те годы такая живая речь, такое естественное общение было необычным и завораживающим. Ведь нельзя забывать, что мы, школьницы начала 50-х, учились в эпоху «лысенковщины». Наш учебник украшали фотографии сухонького старичка в соломенной шляпе и худощавого мужчины с неприятным клочком волос на лбу и злыми глазами. И вдруг ППС! Веселый, озорной, всё знающий и не прощающий нам инертности и невежества в биологии.

Был яркий весенний день, середина мая 1951 года. Я шла на первую в моей жизни научную конференцию. Долго думала, что надеть, и решила идти не в форме, а в «штатском» — синяя юбка и синий с серыми и белыми полосками свитер. Перед самым уходом решила приколоть маленькую пластмассовую брошечку: два цыпленка, бегущие друг за другом. Мне захотелось как-то обозначить участие в конференции, основной темой которой были птицы, но значков участника с изображением птицы у нас в те времена еще не было.

Началась конференция. Один за другим выходили юные докладчики, и я была просто сражена серьезностью работ. Особое впечатление оставил доклад о жизни ночных птиц, наблюдать за которыми очень нелегко. В перерыве между заседаниями мы вышли из зала и уселись на скамейку. Вот тогда-то к нам и подошел Алик Василевский с младшим братишкой Пашей. Оба темноволосые, кудрявые, с большими черными глазами и оба улыбающиеся. Нас познакомили, и я сказала, что училась раньше в одном классе с Леной Сёминой, их соседкой по даче в Отдыхе. «С Леной? Вот здорово, мир-то как тесен!». Я пояснила, что теперь учусь уже в другой школе и Лену вижу гораздо реже, к сожалению. Алик заметил приколотых к моему свитеру цыплят и, улыбаясь, сказал: «Мне кажется, у меня есть книжка, которая вам будет интересна!». По сей день в моем письменном сто-

ле лежит эта книжка, оказавшаяся журналом из серии «Знание для всѣхъ» № 12 за 1914 год. На обложке, чуть ниже названия журнала, написано: «Забота о потомстве в царстве жи-вотных», и приклеена цветная фотография с надписью «Птенцы кукушки в гнезде садовой горих-востки». После конференции мы разъехались по домам. В те годы мы все жили недалеко друг от друга, нас еще не разбросали по «хрущобам» окраин. Много позже мы слышали от отца Александра: «Бог создал две книги: Библию и книгу Природы». Вот в те, послевоенные годы, мы учились читать именно книгу Природы, учились у замечательного Петра Петровича Смолина, и я счастлива, что хоть немного, но знала его учеников, возрождавших в 60-е годы попорченную отечественную биологию.

Память моя сохранила еще встречи с Аликом Василевским. Помнится, что журнал из серии «Знание для всѣхъ» он принес мне домой, глубокой осенью, в первые осенние каникулы. По тем временам мы жили в роскошных условиях. У нас была отдельная двухкомнатная квартира в надстройке 5-тиэтажного дома на улице Горького, окна этой квартиры выходили на 2-ю Тверскую-Ямскую, где поселил свою героиню, Катю Татаринovu, Вениамин Каверин. Мое поколение зачитывалось тогда его «Двумя капитанами». Именно этой осенью отец купил мне в букинистическом магазине «Жизнь животных» Брэма в трех томах, с прекрасными иллюстрациями.

В этот вечер за столом сидели мама и ее подруга, наша соседка, которую мы, по детской ещё привычке, называли уменьшительным ласковым именем Габочка (Габриэль Максимовна). По профессии она, как и мама, была преподавателем. Когда к нам зашел Алик Василевский, мама встретила его словами: «Много слышала о вас и о вашем легендарном ППС хорошего; садитесь с нами чай пить!». Но мы сначала зашли ко мне в комнату, Алик положил на мой столик журнал «Знание для всѣхъ». «Читайте, здесь всё написано очень просто, но очень интересно и познавательно!». Я решила показать Брэма. И мы листали книги, когда мама позвала нас к столу. Удивительно, как легко и непринужденно держал себя наш юный гость. Зашла речь о Третьяковской гале-

рее, мама любила водить туда старшекласников. Алик живо откликнулся на затронутую тему: «Я, Нина Петровна, вам сейчас расскажу, как на днях водил по Третьяковке своих кузин, приехавших на каникулы. Вот была задача!». И дальше последовал рассказ о том, что, обнаружив весьма слабые познания сестер в области русской живописи, да еще имея мало времени, он решил применить прием «сведения к простому». Он спрашивал сестер: «Вы любите конфеты «Мишка косолапый»? Любите! Ну, тогда пошли посмотреть картину Шишкина — это с нее картинку на обертку сделали. Ну, а папиросы «Три богатыря» видели? Пошли посмотреть, это художник Васнецов нарисовал». Затем, по такому же принципу, они смотрели «Садко — весёлого гостя», «Аленушку», «Боярыню Морозову» и т. д. Мама сквозь смех спросила: «Алик, сколько успел показать?» «Много, потом уже без аналогий, гладко пошло!».

Уже прощаясь в прихожей, они с мамой обсуждали её любимые литературные темы, а когда мы вернулись к столу после его ухода, она сказала: «Какой блестящий ум!».

Много лег спустя, когда я, наконец, решила поехать к отцу Александру, я спросила его в самом начале нашего долгого разговора на скамье возле церкви Сретенья Господня, помнит ли он мою мать, он улыбнулся и сказал: «Ещё бы! Её нельзя забыть!».

Вторая встреча произошла в день его рождения, 22 января 1952 года, у него дома.

Тогда в квартирах московской интеллигенции можно было увидеть старинные фотографии и гравюры, милые фарфоровые вещицы на полочках диванов или на крышке старого рояля. Ряды поблескивающих старинными переплетами книг стояли в застекленных шкафах. А иной раз и иконы в углу, со стеклянной, мерцающей синим или рубиновым, лампадкой. Были семьи, где бережно сохраняли золотую детскую библиотеку, и девочки моего возраста читали романы Лидии Чарской и «Сонечкины проказы» мадам де-Сегюр.

Уселись за стол, взрослые нас угощали, особенно запомнился папа Алика, он много шутил и после чая зате-

ял всякие «круговые» игры. Помню, что играли в щеточку на фанты, но я никого не угадала. Я не помню никаких особенно умных, биологических разговоров, было просто весело, уютно и очень по-родственному просто, раскованно, как теперь говорят.

После этого дня рождения мы встречались еще на занятиях ППС, но пришло много новых ребят, стало многолюдно, и я постепенно перестала там бывать. В старших классах у нас был очень знающий и серьезный педагог по биологии Вера Владимировна Братина, и я начала готовиться к поступлению в университет. Алик Василевский закончил школу раньше на год и поступил в Институт охотоведения и звероводства, который вскоре перевели в город Красноярск. Я потеряла его из вида, и услышала о нем вновь, как о проповеднике слова Божьего, много лет спустя. Причем, не сразу поняла, что отец Александр Мень и Алик Василевский — один и тот же человек. Но это было уже совсем в другую эпоху. Сказать, что я ничего не знала и не слышала о судьбе моего старого знакомого Алика Василевского, было бы неверно. Как-то я встретила свою школьную подругу Лену Сёмину и она рассказала, что Алик стал священником и церковь, в которой он служит, находится где-то под Москвой. «Он с детства был верующим и носил крестик, мы даже одно время приставали к нему с этим, но он не обращал на нас внимания, а потом его тетя побеседовала с нами. Очень серьезно и строго разъяснила, что их семья верующая, а сейчас свобода вероисповедания и многие люди веруют в Бога. Мы перестали после этого приставать к нему». Мне стало жаль, что Алик не стал биологом, и я подумала, что, наверное, что-то случилось, раз он так круто изменил свою деятельность и в наше время встал на такой нелегкий путь. Я в это время уже работала в научно-исследовательском институте и занималась проблемой, связанной с клеточной биологией. В конце 60-х биология освободилась от «лысенковщины», помог этому А. Д. Сахаров. Именно он выступил на президиуме Академии наук против Т. Д. Лысенко, его поддержали М. В. Келдыш и В. А. Энгельгардт. Обстановка резко изменилась. После этого заседания президиума были

приняты новые решения о развитии генетики. Биология в нашей стране начала оживать. И вот кто-то из моих друзей, в доме которого мы часто собирались, стал рассказывать, что под Москвой, в Тарасовке, служит молодой священник отец Александр Мень, что он читает замечательные проповеди. Рассказывали, что этот священник по светскому образованию биолог, и что в своих проповедях он приводит примеры из своих собственных научных наблюдений.

О том, что А. Василевский и отец Александр Мень одно и то же лицо, я узнала на дне рождения моего коллеги. Одна из гостей, выпускница Института звероводства и охотоведения, рассказывала об одном совершенно необыкновенном студенте, учившемся с ней: он написал диплом, получил уже рецензии на него, но из-за своих религиозных убеждений не был допущен к экзамену по научному коммунизму, ушел из института и закончил в Ленинграде экстерном семинарию, а потом Духовную академию в Троице-Сергиевской лавре, стал кандидатом богословских наук и теперь служит в церкви под Москвой. Имя этого священника отец Александр Мень, но кто знал его в детстве, те помнят его по фамилии тетки, Василевский. Так вот кто стал знаменитым проповедником, вот к кому едут и идут самые разные, но жаждущие духовной истины люди!

О, как мне захотелось поехать к отцу Александру. Но надо было измениться самой и изменить свою жизнь, чтобы придти к нему. Понадобились годы, прежде чем я решилась и вошла в калитку церковной ограды у храма Сретенья Господня в Новой Деревне. Авторитет отца Александра в конце 60-х — начале 70-х был велик. И я не могла к нему приехать просто как старая знакомая, а самое главное, что я не была крещена. В раннем детстве в моем воспитании принимала участие моя няня, женщина верующая. Няня Маша посадила меня читать «Житие Параскевы Пятницы», едва я научилась читать, она научила меня основным молитвам. Однако мои родные хотели крестить меня в Армяно-Григорианской церкви, а церковь наша открылась только после войны. Чем старше я становилась, тем труднее было решиться.

После того, как я похоронила своих родителей, мое душевное состояние потребовало от меня таких усилий, которые могли быть совершены только после крещения и начала новой жизни. Пройдя исповедь, я крестилась в Армянской церкви и вступила на христианский путь. Теперь я могла ехать в Новую Деревню, но не знала, как подойти к отцу Александру и что ему сказать, как обратиться, с какими словами? Помог случай. Однажды на даче к нам зашёл сосед, бывавший в Новой Деревне и слушавший проповеди отца Александра.

Вдруг я решилась: «Василий Степанович, я знала когда-то, в школьные еще годы, отца Александра. Когда пойдете в следующий раз на проповедь, подойдите к нему, и если он помнит Наташу Габриэлян, скажите ему, что мне очень хотелось бы к нему приехать». В следующее воскресенье после полудня пришел Василий Степанович, и сказал мне, что отец Александр меня прекрасно помнит и просил приехать в ближайшую среду, после службы, он сможет со мной поговорить.

Солнечным августовским днем я приехала в Новую Деревню, подошла к калитке церковной ограды и вошла в небольшой церковный палисадник. Прямо перед папертью была большая клумба: цвели флоксы, хризантемы, табак, жёлтые лилии. Слева от меня был небольшой деревянный домик и перед ним длинная скамья, на скамье сидел отец Александр, перед ним стояла прихожанка и что-то говорила ему, потом она села на скамью, и я заметила, что она плачет. Я поняла, что надо подождать, обошла церковь и встала около стены. Отец Александр заметил меня. «Наталья, ты что там стоишь, я сейчас», — окликнул он меня. Он проводил посетительницу до калитки и, улыбаясь, подошел ко мне. Мы поздоровались за руку и сели на скамью. Я сказала, что долго не могла понять, что отец Александр — это мой старый знакомый школьной поры Алик Василевский.

— Что ты знала обо мне?

Я сказала, что слышала, как он ушел из института прямо перед самой защитой диплома.

— Да, я даже рецензии получил на дипломную работу, но марксисты не дали закончить вуз. Я уехал в Ле-

нинград и закончил экстерном семинарию, — мне было легко, я был подготовлен еще дома. А как ты, Наталья?

— Я работаю в биохимической лаборатории, работа интересная. Алик, ты помнишь мою маму? Сегодня как раз ее день рождения — 13 августа.

— Конечно, помню, помню, как был у вас и мы очень чему-то смеялись.

— Ты рассказывал, как показывал Третьяковскую галерею своим кузинам.

— А, помню, помню, давно это было, однако.

— Моя мама скончалась. Вот уже десять лет будет.

— А моя похоронена тут, рядом.

Я тогда подумала, что рядом с церковью, но оказалось, что на кладбище через дорогу. Помолчав, отец Александр спросил меня, читала ли я газету «Труд», где напечатана статья о нем «Крест за совесть». Я ждала этого вопроса и ответила, что не читаю желтую прессу.

— Мною очень на Лубянке интересуются, часто вызывают, я там во многих кабинетах побывал.

— Господи, Алик, а как здесь, в приходе?

— Здесь ничего, второй батюшка — хороший человек. Что ты читала из моих книг, — спросил он.

— Я читала «Сын человеческий», изданную в Париже. Друзья привезли и дали нам на три дня. Ничего подобного я не читала раньше, все по-другому засветилось. Но у тебя псевдоним? Там автор — Андрей Боголюбов.

— Да, есть и другие псевдонимы, пока иначе нельзя.

— Будут ли когда-нибудь тебя здесь печатать?

— Да, будут, будут, — сказал он, улыбаясь. Мы помолчали, и я попросила его:

— У тебя уже взрослые дети?

— Да, сын и дочь. Сын хотел быть тоже священником, но я увидел, что это не для него. Знаешь, для этого нужно иметь призвание.

Я попросила отца Александра окрестить моего внука и сказала, что сама я крестилась в Армянской церкви. Отец Александр записал мне свой адрес на листочке отрывного календаря. Так он у меня и хранится. Я почему-то вспомнила нашу общую знакомую Лену Семину.

— Хорошо бы ты Лену разыскала, и вы бы вместе приехали. Встретились бы совсем уж детской компанией, — засмеялся он.

Тут я заметила, что отца Александра ждет Андрей Смирнов, кинорежиссер. Я встала и мы попрощались: мне казалось тогда, что впереди еще много встреч и бесед.

В эту встречу около храма Сретенья Господня мы обсудили все, что тогда волновало нас. Мы вспомнили наших родителей и помолчали, думая о них, незабвенных и дорогих. Мы поговорили о детях. Мы говорили о его служении, и я поняла, как ему сложно в этом современном мире. Мелькнула мысль: пока он здесь, в этом храме, можно жить, надеяться. Та встреча в Новой Деревне, в августе 1986 г., была неповторима, больше не пришлось так душевно беседовать с ним, но были еще события в моей жизни, в которых он принимал участие.

В июне 1988 года мы поехали крестить внука Никиту. Был чудесный летний день. Храм Сретенья Господня был украшен к Троице, всюду ветки березок, пол устлан скошенной травой. Прозрачный воздух, косые лучи солнца из окон зажигают огоньки у окладов икон. Крестил Никиту отец Владимир — пожилой, с длинной бородой — классический деревенский батюшка. Отец Александр был занят другими требами. После крещения он подошел и спросил, все ли в порядке. Я была счастлива и сказала, что все просто замечательно. Ещё помню, что, кажется, в это же лето, в конце июля, я пошла в церковь Сретенья Господня рано утром вместе со своей соседкой Александрой Дмитриевной. Церковь была пронизана лучами солнца, народу было не очень много, и я стояла впереди, слева у алтаря. Отец Александр пел вместе с хором. Когда он начал петь «Отче наш», подхватила вся церковь. Как он пел! Какое вдохновенное у него было лицо, как сияли его глаза! Люди пели самозабвенно, Я подумала: вот это, наверное, и есть «ангелы поют на небесах»! Мне не забыть его лица в те мгновения. Я видела его лицо еще не раз. Видела его задумчивым и радостным, видела его лицо, когда он отвечал на вопросы, иногда непростые — оно становилось строгим

и напряженным. Но такого лица, вернее — лика, как тогда в храме, когда он со всеми вместе пел «Отче наш», я больше не видела никогда.

В этот же день после службы я слушала его проповедь о великом князе Владимире, о подвиге человека, решившегося на крещение своего народа. Только слушая живую и образную речь отца Александра, я начала понимать, какой это был великий подвиг — крестить народ, оторвать его от язычества!

В конце августа я слышала проповедь об Успении Богородицы, эта проповедь была такой лиричной. Помню, что отец Александр сказал: в этот день надо приносить в церковь белые лилии, это любимые цветы Богородицы.

Однажды мы приехали с моей дочерью Аней в Новую Деревню, и попали на день юбилея — 30 лет служения отца Александра. Он уже вышел из церкви, и у него в руках был букет белых лилий. Когда мы подошли к нему, то нас вместе сфотографировали.

Особое и очень важное место в жизни отца Александра занимали его публичные выступления. Постараюсь описать одно из них — весной 1990 года в Доме литераторов. Зал был переполнен. Отец Александр вышел на авансцену в белом облачении, спокойный и сосредоточенный.

— Помните ли вы картину Крамского «Христос в пустыне»? Спаситель один в пустыне, он сел на камень и глубоко задумался. Он погружен в свои мысли. Вот так и в России мы должны задуматься. Что ждет нас? Какие испытания?

Далее он рассказал об искушениях Господних и подчеркнул, что самое тяжелое искушение для человека — это искушение властью. Отец Александр стал говорить об исторической судьбе России.

— У каждого народа и у каждой страны есть свое историческое предназначение. Так, Греция дала миру понятие красоты и гармонии, создала великую архитектуру, заложила основы законов строительства. Рим дал миру основы юриспруденции, законодательства. Израиль дал миру единобожие, из которого позже возникло христианство. Россия, которая находится между Восто-

ком и Западом, стала «буфером», и ей пришлось стать ареной великих столкновений. Она остановила орды монголов, в ее просторах застрял и был вынужден уйти Наполеон. Она отразила нападение Гитлера. Русский национальный характер, состоящий из великого терпения и великого обвального бунта, дал возможность именно в России провести эксперимент построения социализма и коммунизма. Вот почему так труден ее исторический путь, евразийское местоположение и экстремизм характера, генетически закрепленный. Как случилось, что в России, которая считала себя третьим Римом, возникло атеистическое государство? Это началось давно — церковь слилась с государством и потеряла свою самостоятельность. При Петре I была потеряна тайна исповеди, все, что касалось государства, должно было сообщать. Народ стал отходить от церкви, и обрядоверие стало теснить истинную христианскую церковную жизнь. Только-только кончилось крепостное рабство — и Россию захлестнул поток новых идей. Династия Романовых была исторически завершена, царь отрекся от престола, началась революция, которую сменил большевизм, принесший гонения на церковь. Новая власть думала, что она победила, но испытания отечественной войны помогли церкви начать путь к возрождению. Этому помог накопленный веками образ мысли и подвижничество. Русская церковь породила великих старцев-подвижников и великих мыслителей: В. Соловьев, К. Леонтьев, И. Ильин, И. Бердяев, П. Флоренский. Сейчас мы должны возродить из пепла не только здания храмов, но и живую мысль, и церковную жизнь.

Далее отец Александр начал отвечать на вопросы. Вопросы были разные. Часть из них касалась основ религиозного мировоззрения. Помню, что был вопрос о том, как должен современный человек понимать Рай и Ад.

— Понятие Рая как райского сада и понятие Ада как огненной печи были сформулированы в средневековый период. Ад для современного человека — это аннигиляция, другими словами — исчезновение. Рай — это жизнь после жизни.

Было сказано о трудах Вернадского, о ноосфере. Спросили о. Александра и о вещих снах и о чудесах. Вспоминаю, как он сказал, что с ним не случалось явных чудес, но однажды он провел службу как бы в забытьи. Его попросили служить после длинной службы, когда он очень устал, отказать друзьям он не мог, но как он служил — он не помнил, очнулся уже после службы. Около него были друзья, они были потрясены, говорили, что на него снизошло какое-то неземное вдохновение.

Когда его спросили, можно ли общаться с ушедшими от нас, он ответил, что ни единого дня не прожил без внутреннего постоянного общения с матерью своей Еленой Семеновной. В мыслях, снах можно общаться.

Были вопросы о его иудейском происхождении.

— Успокойтесь, я еврей, но я горжусь этим — в моих жилах течет та же кровь, что и в апостолах, и в Матери Божьей.

После лекции я прошла за кулисы, но не смогла подойти к нему, так как его внимание было всецело занято человеком, написавшим записку о самоубийстве. Отец Александр спасал многих от этого шага. Об этом же рассказывали мне его духовные дети.

Летом 1990 года моя дочь Аня впервые стала крестной матерью. Крестили восьмилетнюю дочь Аниной подруги и правнучку старого друга нашей семьи Веры Александровны, Наташу Займовскую. Когда началось крещение, отец Александр пояснял главные моменты, особенно тот момент, когда крестящийся зажигает свечу, что символизирует сошествие Святого Духа. В церкви воцарилась тишина благоговейная. Удивительно, но младенцы в руках отца Александра переставали плакать. Прислуживала очень приятная высокая полная матушка в белом платке, именно матушка, добрая и радостная. Мне запомнилось, как отец Александр ответил тогда на вопрос моего внука Никиты, почему христианство не было всегда.

— Надо было дорасти до него.

3 августа мы вновь были в Новой Деревне, Аня крестила свою подругу. Мы подошли к отцу Александру, но он был окружен людьми, сказал, что в ближайшее вре-

мя очень занят, буквально живет по часам. Его спросили, как он относится к расколу церкви на Украине, связанному с греко-католической церковью.

— Это все со временем успокоится. Сейчас им очень самостоятельности захотелось, ну и пусть. Ничего страшного, пройдет это.

В связи с этим разговором я вспомнила, как он говорил о разделении церквей: «Наши перегородки не доходят до неба». А в тот день, освободившись, он подошел ко мне и, обняв за плечи, сказал, обращаясь к молодому человеку, который часто бывал около него и фотографировал: «Сергей, это моя школьная приятельница, мы тоже были молодыми!». Я засмеялась и как-то смутилась. Но вдруг, неожиданно для себя, сказала: «Отец Александр, благослови Никиту!». Он подозвал моего внука и, возложив руку на его голову, благословил.

— Надо бы нам как-нибудь встретиться, потолковать с вами еще раз, — сказал он моему мужу Виталию.

По дороге домой муж стал рассказывать, как отец Александр читал лекцию на физфаке.

— Знаете, он замечательно начал, он сказал, что на его месте, здесь, в университете, следовало бы быть отцу Павлу Флоренскому. Но мне кажется, — сказал Виталий, — он и сам очень большой человек, просто очень значительный.

Мы были счастливы и думали о встрече и беседе с ним у него или у нас дома. Ничто не тревожило нас, мы были в счастливом неведении, но только отец Александр показался мне очень утомленным, и взгляд становился вдруг грустным. Но, может быть, это сейчас так вспоминается?

Очень хорошо помню, что в воскресенье 9 сентября 1990 года мы поехали на дачу, взяв с собой Олечку Ардову. Был солнечный, но ветреный день. Дети бегали по саду, а потом играли в доме. Мы собрали в Москву яблоки, тыквы, кабачки. После обеда стали собираться, но упаковка яблок заняла много времени, и в обратный путь отправились около 6 часов вечера. Ехали очень медленно, шоссе было забито автомобилями с возвращающимися с дач людьми. Проехали Новую Деревню и

вскоре остановились. Что-то случилось с машиной, мы вышли на шоссе. Наконец, водитель справился с неполадкой, мы тронулись, но какое-то смутное предчувствие шевельнулось в моей душе. В Москве мы с Олей Ардовой направились на Ордынку. Было уже около десяти вечера, когда мы вошли в дом к Ардовым. Началось наше московское чаепитие. Вспоминали всякие семейные истории, Коктебель, моих родителей. Наконец, я стала прощаться, а Нина Антоновна рассказала, что приходили с телевидения и уговаривали участвовать в телепередаче об Анне Андреевне Ахматовой, а ей не хочется, Нина Антоновна не любит телеинтервью: «Ну, что можно сказать о целой жизни рядом с ней, она для меня и сейчас жива».

Когда я вернулась домой, то сразу поняла, что что-то произошло. Виталий встретил меня вопросом: «Ты слышала, сегодня утром убит отец Александр Мень. Хорошо, что мы тогда, 3 августа, поехали все на крестины, хоть повидались». Я опустила на стул, все закружилось перед глазами. «Все-таки убили», — без конца повторяла дочь Аня.

На похоронах было море народу, мы стояли недалеко от того деревянного домика, где мы снова встретились через много лет с отцом Александром. Начался вынос, потом митинг. Говорили много, часто мне казалось, что читают мои мысли. «В России опять поднялся топор и поверг святого человека», — запомнились слова одного из ораторов. Митрополит Ювеналий рассказал, как отец Александр отказался от места депутата и предпочел проповедническую деятельность. На все предложения он отвечал: «Наконец-то можно нести слово Божье людям! Надо пользоваться этим, надо успеть».

Я подошла поближе к алтарю, и меня охватило какое-то странное чувство. Мне показалось, что отец Александр где-то здесь, рядом, в этой церкви.

НЕСМОТЯ И ВОПРЕКИ

Мы сидели в ресторане, в самом центре Москвы, помнится, что это была «Прага». Во главе стола наш директор — Валентина Александровна, справа от нее заведующий иностранным отделом, наш любезный Лев Николаевич, слева от нее бывший секретарь парторганизации института Андрей Федорович. Напротив них сидела я и два иностранца. Один из них — финн Лааксен, другой — Павел Константинович — эмигрант, работающий в Австралии.

Все чинно сидели за обеденным столом, когда вдруг Павел Константинович спросил:

— Скажите, как вы выжили, как пережили репрессии 30-ых, как пережили эту ужасную войну? И при этом сохранились такими нормальными интеллигентными русскими людьми? Мне это трудно понять.

Воцарилось молчание. Я взглянула на Валентину Александровну, она смотрела на меня с надеждой. Я попробовала ответить:

— Мы выжили потому, что старались иметь дело только с людьми, которым доверяли. Вот даже на работу я бы не устроилась, если бы меня не рекомендовали Валентине Александровне сотрудники, хорошо меня знавшие и пользующиеся ее доверием.

Валентина Александровна подтвердила мои слова, сказав что-то одобрительное: «Да-да, так, мол, и было!». Но Павел Константинович ждал еще чего-то.

— Ну, а в самые трудные времена?

— И тогда были такие люди, которые помогали другим, буквально не давали погибнуть, исчезнуть физически, например, Анна Андреевна Ахматова, она была центром определенного круга людей, которых поддерживала.

Валентина Александровна вновь одобрительно кивнула. Она явно была довольна, что дело ограничилось литературными примерами. Обед закончился, и мы оказались на старом Арбате. В обществе Павла Константиновича, молчаливого финна и Андрея Федоровича мы пошли по пешеходной улице, вокруг сновали люди, что-

то продавали, играли уличные музыканты, двери магазинов и маленьких кафе были открыты. Остановились у лотка с сувенирами, и тут Павел Константинович сказал:

— А знаете, у вас тут жизнь. Очень живой, какой-то праздничный город. А у нас скучно, тихо, спокойно, но скучно. Госпиталь, в котором я работаю, очень хороший, прекрасно оборудован, можно серьезно лечить больных, можно работать над новыми методами, заниматься наукой. Но сам город какой-то застывший, сонный. А у вас тут жизнь и люди другие, более активные, веселые. Я рад, что приехал. Отец мой мечтал о России, хотел вернуться, но не решился. Если бы он дожил до вашей перестройки, то был бы счастлив.

Я проводила их до метро, они должны были идти в Большой театр. Но разговор запомнился, и я стала думать, что еще могла бы сказать Павлу Константиновичу: почему нас не изуродовала официальная идеология, почему мы сохранили религию... Ведь именно нашему поколению пришлось войти в перестроечные времена. А все же, как мы, несмотря и вопреки, сумели сохранить традиции русской культуры?

Мне чудовищно повезло, я родилась в семье, которая, по выражению одного моего друга, сумела создать свою собственную маленькую «фронду». Все началось с моей бабушки, которая, услышав по радио слова «солнцеликий» по отношению к вождю, сказала, что это только к Богу так обращаются, и выключила радиоприемник.

Моя мама, которой пришлось срочно уволиться из редакции Малой советской энциклопедии в 1938 г., устроилась работать в школу преподавать литературу и русский язык, что придавало определенный колорит нашим семейным разговорам. Отец иногда сердился и ворчал — ну, хватит говорить об этом Пьере Безухове и Андрее Болконском, вечно они находятся за нашим столом! Мама отвечала, что это лучше, чем обсуждать цены на продукты, она никогда не произносила никаких официальных слов или фраз, даже слово «товарищ» произносила очень редко и по отношению к официальным лицам или неприятным людям. Мама страстно любила русскую литературу XIX-XX вв. Ее рассуждения об

уникальности русской литературы, о ее культурологической роли я вспомнила, когда прочла статью Адамовича, посвященную памяти Ивана Бунина. Вокруг мамы всегда были интересные люди, на ее факультативах читали «непрограммных писателей» — Достоевского, Бунина. Она участвовала в создании школьного театра, где вместе со своей подругой Натальей Борисовной Гюне они ставили пьесы Шварца. Как-то ее ученик вспоминал свое впечатление от первых встреч с Натальей Борисовной и моей мамой — Ниной Петровной.

— Ну, представляете, 1946-47 годы, мы, полуголодные и ожесточенные, приходим в школу, а нас встречают учительницы молодые, красивые, с добрыми глазами. Разговаривают с нами участливо, спрашивают, что мы любим, чем интересуемся, хотим ли участвовать в школьном театре. Ну, мы, конечно, обалдели, и дружно принялись читать книги, учить роли, просто жить нормальной жизнью подростков.

Благодаря таким учителям, благодаря «чудикам» и «зубрам», мы выжили, сформировались, приобрели знания. Вспоминаю мою учительницу литературы Марию Александровну: высокая, с гладко причесанными седыми волосами, уложенными на макушке буклями, всегда в черном костюме и белой блузке, она преподавала только в старших классах, литературе явно предпочитала русский язык. Ее усилиями мы стали грамотными. А на уроках литературы было скучно: Мария Александровна не выходила за рамки официальной программы, да еще любила цитировать такие фразы, как «Писатели — инженеры человеческих душ», «Эта штука сильнее «Фауста» Гёте». Старательное цитирование классиков марксизма не вязалось с внешним обликом Марии Александровны, с ее прекрасным русским языком, в котором мелькали и французские словечки «тет-а-тет» и «моветон». И вот однажды Мария Александровна пригласила нескольких учениц к себе домой, наверно, обсудить выпускные экзамены. Жила она на улице Алексея Толстого, в старом доме. Квартира была коммунальной, с темноватой прихожей и длинным коридором. Но когда мы вошли в комнату Марии Алексан-

дровны, то просто остолбенели. Все стены, от пола до потолка, были завешаны картинами, и какими картинами! Только в 60-ые годы мы смогли увидеть произведения: русских художников начала века. Позже я поняла, что видела у нее Серебрякову, Бакста и Добужинского, я их полюбила и запомнила сразу. Помню, что Мария Александровна заметила наше удивления и пояснила, что ее дочь — художница и в роду ее было много художников. Не менее картин нас поразили старые фотографии, на которых мы увидели сестер милосердия и врачей, студентов и гимназистов в мундирах, военных с георгиевскими крестами. Хотелось расспросить о людях на фотографиях, но было неудобно. Предваряя наши вопросы, Мария Александровна пояснила, что на фотографиях ее родные — участники I-ой империалистической войны. Мария Александровна помолчала и предложила нам сесть за стол. В это время пришла ее дочь, весь ее облик был типичным для художниц начала века: шляпа с большими полями, шаль на плечах, удлиненная юбка. Она предложила нам выпить чаю, достала из крошечного буфета прозрачные чашки с тонким золотым ободком, а к чаю подала кекс. Мы старались пить чай бесшумно, не дуть, не прихлебывать, не выливать его на блюдце, чтобы остыл.

Тогда я поняла, что за плечами нашей учительницы стоит другая жизнь, другое время, что оно никуда не ушло, что в ее комнате мы встретились с русским искусством времен Чехова и Блока. Протянулась ниточка к нам из прошлого века и никакие «инженеры человеческих душ» ее не порвут. Пожалуй, с этого и надо было начинать рассказывать о нашей жизни Павлу Александровичу.

В те послевоенные годы мало кто жил в отдельных квартирах, но даже комнаты в «коммуналках» сохраняли свою индивидуальность. Вы входили в такую комнату, закрывали дверь и попадали в другой мир. Так было, когда я пришла к Нине Николаевне Маковской, маминой коллеге, взявшейся преодолеть мою безграмотность. В ее комнату я попадала, пройдя длинный коридор с рядом дверей, из-за которых порой выглядывали и непри-

ветливые лица. Когда, наконец, я достигала ее комнаты, то с облегчением переводила дух. В небольшой комнате Нины Николаевны висели громадные зеркала. Одно — над овальным столом, за которым я занималась, и первое время я все время гляделась в него.

— Нина Николаевна, как вы можете жить среди зеркал, вы ведь все время видите свое отражение, они следят за всеми вашими движениями!

— Да, нет, мой друг, я их не замечаю. Я привыкла к ним с детства. У нас во Владимире они висели в гостиной и в зале. Когда в зале ставили елку, она вся отражалась вот в этом овальном зеркале. Танцующие пары видели свое отражение в ней и старались танцевать как можно лучше!

Я представляла себе эту залу, блестящий паркет, елку, сияющую свечами, легкие, скользящие по паркету пары. Ах, как красиво, как весело, как легко.

— Просыпайся, просыпайся, — говорила мне Нина Николаевна, — пора диктант писать.

Мама спрашивала меня:

— Как ты себя вела? Нина Николаевна человек благовоспитанный, она ничего не скажет, но ты должна понимать, что она тратит на тебя время!

Мои занятия французским языком еще больше расширили мой кругозор и помогли узнать, как жила интеллигенция творческая, работающая. Однажды я попала в квартиру Мартыновых. Брат Веры Васильевны, с которой я занималась, был одним из тех хирургов, которые оперировали Ленина после ранения в 1918 году. Квартира Мартыновых находилась на Спиридоновке (в советское время была переименована в улицу Алексея Толстого), в большом доме с лифтом, украшенным зеркалом. Вера Васильевна давала уроки французского языка мне и еще нескольким девочкам. Войдя в квартиру, я попадала в большую прихожую, уставленную шкафами с книгами, на верхних полках размещались образцы камней и бюсты ученых мужей и великих деятелей. В комнате Веры Васильевны в углу находился большой киот, полный икон, и теплилась лампадка. Я не могла оторвать взор от киота. Я бывала в церкви с моей няней, но киотов не видела. Занимались мы за столом, покрытым синим

сукном, которое чистилось специальной щеточкой. Вера Васильевна была строгой, и я истово зубрила глаголы и выучивала стихи и считалки. Под Новый год Вера Васильевна устроила нам праздник, мы, ее ученицы, выучили роли из пьесы про «Красавицу и Чудовище», пели песенки и даже танцевали. Невестка Веры Васильевны накрыла на стол в большой комнате, все торжественно уселись, мама одной из девочек испекла сладкие пироги. Получился чудесный праздник в этой старой квартире на Спиридоновке, праздник, который всегда помнится. Вот видите, Павел Константинович, были не только тяжелые времена, были и праздники.

Сейчас в Москве ежегодно проводятся Рождественские чтения, в которых участвуют не только церковные деятели, но и люди науки и деятели культуры и простые прихожане. А ведь были времена, когда людей не пускали во время службы в церковь. Мне повезло, я встретила в начале 60-х Наталию Борисовну Черемушкину. Привел меня к ней мой коллега Миша Турчинский, ее зять. Она жила на улице Станиславского, в чудесной комнате, на стенах которой были картины и старые афиши, так как в роду были артисты. Большой портрет прекрасной дамы — матери Наталии Борисовны — украшал эту комнату и создавал атмосферу праздника. Были и иконы в правом углу и чудесная фарфоровая розовая лампадка. Мне тогда хотелось найти людей, с которыми я могу пойти на праздник Пасхи в церковь. Быть одной в этот вечер тяжело.

— Наталия Борисовна, вы бываете на Пасху в церкви?

Она ответила, что бывает всегда в Церкви Воскресения Славущего на Успенском вражке. И когда я спросила можно ли мне присоединиться к ней и ее родным, ответила:

— Да, конечно, будешь на Пасху со мной всегда, пока я жива.

С этого времени я стала постоянной участницей этого торжественного дня и вместе с Наталией Борисовной каждый год стояла на заутрене в канун Пасхального воскресения.

Мы приходили к ней в субботу вечером, она уже

ждала нас. Комната была по-праздничному убрана, на столе стояли куличи, закрытые белой салфеткой, рядом блюдо с крашеными яйцами. Наталия Борисовна одета в темное платье с кружевным воротником. Мы направляемся в церковь Воскресения Славущего на Успенском вражке. Мы, ее дочь Кира и я, держим Наталию Борисовну под руки и вместе с ней входим в храм. Иначе нас бы не пустили, так как впускали только пожилых, это продолжалось до середины 80-х годов. Начиналась торжественная служба. Когда возвещали «Христос воскрес!», все находящиеся в храме отвечали «Воистину воскрес!». Это самый торжественный момент, и вся толпа вокруг храма участвовала в службе и отвечала на возвещение в едином порыве. До сих пор мы посещаем этот храм в страстную субботу, сохраняя традицию и память о Наталии Борисовне.

Вот так и получилось, что, несмотря и вопреки обстоятельствам, многие из нас сохранили традиции русской культуры и духовного наследия.

СОДЕРЖАНИЕ

Подъезд.....	4
Майрик.....	7
Танец хромого ингуша.....	9
Как началась война.....	9
Уроки чтения.....	10
Станция «Маяковская».....	11
Летнее пальто.....	12
Истмат.....	15
Оттепель и постоттепель.....	17
Ардовы.....	20
Отец Александр Мень.....	22
Несмотря и вопреки.....	36

Подписи к фотографиям на 4-й обложке:

1. *Нина Петровна Унанянц, мама Н. Д. Габриэлян.*
2. *Н. Д. Габриэлян, 15 лет.*
3. *Никита Аркин, внук Н. Д. Габриэлян, историк-этнограф, редактор газеты «Общественный резонанс».*
4. *Н. Д. Габриэлян с мужем, Виталием Васильевичем Михайлиным, выпускником физфака МГУ, зав. кафедрой оптики и спектроскопии физфака МГУ.*
5. *Анна Михайлина, дочь Н. Д. Габриэлян.*

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха “СЛОВЕСНОСТЬ”

НАТАЛЬЯ ДАВИДОВНА ГАБРИЭЛЯН
Несмотря и вопреки, или Наша маленькая фронда
Проза, эссе, воспоминания

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Верстка — Марина Кива, Александр Стадник
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 21.09.2010
Подписано в печать 08.10.2010

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75